

КАЙЧИ Н. У. УЛАГАШЕВ

Когда охотник Улагаш из племени Туба женился на девушке Бачак, был устроен большой той. Съехались все родственники жениха и невесты, все кочевники долины Сары-Кокши. Обращаясь к новобрачным, гости весело пели:

Скота у вас
Пусть будет полная долина;
Детей у вас
Пусть будет полная юрта.

Из двух пожеланий ни одно не осуществилось: скот не велся, дети умирали в младенческом возрасте.

Похоронив ребенка, Бачак плакала по несколько дней.

— Эрлик унес... — шептала она; спрашивала мужа, чем бы задобрить злого бога.

Улагаш молчал. Про себя он повторял самые грозные ругательства по адресу подземного бога. Это были слова из народного эпоса, и Улагаш не боялся, — не он ругает Эрлика, а богатырь, который в единоборстве победил злого бога и взял с него клятву никогда не делать людям ничего плохого. Почему же Эрлик не унимается?

Зима 1861 года была на исходе. С наклонных деревьев падал подтаявший снег. День прибыл на шесть арканов. Был месяц ажу-ай¹, т. е. перевальный; год переваливался с зимы на весну. В это хорошее, легкое время Бачак родила мальчика. Улагаш обрадовался сыну и, взяв ружье, отправился в лес. По дороге он напевал:

Черного соболя убью —
Сына в шкурку заверну.
Жирного марала свалю —
Сыну шашлык зажарю.

Той порой в юрте старухи-родственницы смазали тело ребенка конским салом и положили к груди матери.

— Теперь морозов не будет бояться! Вырастет здоровым, сильным!..

Отец вернулся с тушей косули, и родственницы завернули новорожденного в звериную шкуру.

Отцу хотелось крикнуть по-богатырски, на весь Алтай:

Собирайтесь, друзья!
На мое стойбище!
Сыну моему младшему
Лучшее имя придумайте!

Но у коновязи остановился знакомый русский охотник. Он был первый гость, и ему принадлежало право дать имя новорожденному.

Улагаш усадил гостя на шкуру кабарги на мужской половине жилья, подогрел араку над костром и налил в деревянную чашку кровень с краями.

— Всю зиму берег: парничку ждал!

Охотник принял чашку, сделал легкий поклон и назвал мальчика Николаем.

Гостя благодарили.

Бачак несколько дней твердила незнакомое имя:

— Муколай... Микулай...

На следующую осень, ожидая суровую зиму, Улагаш вырыл в юрте, возле самого очага, довольно глубокую яму. На ночь детей укладывали в яму и закрывали звериными шкурами.

Зима была морозной, и в юрте застыла земля.

Из всех детей Улагаша выжил один Николай. Видно, правду сказали старухи, что младший сын вырастет здоровым и сильным. Ведь и среди богатырей так же: младший сын всегда сильнее и мудрее всех!

Охотничье становье Улагаша было под старым кедром, опустившим косматые ветки до самой земли. Рядом с кедром на всю ночь разводили костер. Вечерами отец пел о бо-

¹ Март.

гатырях. Мальчик восторгался их победами над иноземными захватчиками и над своими ханами и зайсанами, завидовал вечному лету, которое наступало, как только кончалась победоносная война. Но ночам мальчику снилась золотая кукушка, прилетевшая оттуда, где — вечное лето. Уговорить бы эту кукушку навсегда остаться здесь! Может быть, от ее кукованныя растаял бы снег... Разве поймать ее?.. Но кукушка улетала. А крылья ее долго были видны на небе, как два полумесяца.

На промысел выходили перед рассветом. Николай частенько останавливался в солнном лесу и подолгу смотрел на небо, усыпанное звездами, среди них он отыскивал коней тех богатырей, о которых отец шел минувшим вечером. Но особенно Николаю нравилось созвездие трех маралух (Орион). Охотник убил зверей одной стрелой. Вон он, оставив коня, подходит к ним... Выбежали бы сейчас так три козла, — Николай убил бы их одной пулей!..

Однажды он с отцом и родственниками ехал в тайгу на ореховый промысел. В одной из долин они увидели камень-валун, вокруг которого вся трава была притоптана.

— Люди проезжали — силу пробовали, — сказал отец.

Все спешились. Поочередно попробовали отодрать камень от земли, — никто не мог приподнять даже на палец.

Николай широко расставил ноги, склонился над камнем, обхватил его руками, поднял на уровень груди, покачал и перекинул через седло своего коня.

— Счастливый будет! — воскликнул один из родственников. — Кто этот камень поднимет, тот счастье возьмет. Так народ говорит.

Приемщик орехов привязал весы к толстому суху лиственницы. На одну чашку их взвелили камень, на вторую поставили гири.

— Ровно наолько одиннадцать пудов! — удивился приемщик. — Силушки-то бог дал на троих!..

В родной долине о Николае уже говорили с восторгом:

— Богатыремрастет!.. Отцовских сказок наслушается, — будет горы с места на место переставлять.

Однажды во время кедрового промысла на стан Улагаша пришел бродячий кайчи¹ Ко-бак Тадыжеков. Его спросили, где он гостил

последние недели, почему его давно не было видно в родных местах.

— Лежал: спину заживлял...

И он рассказал, что дней двадцать тому назад его вызвали к зайсану Тобокову в село Карасук.

— Отказываетя платить!.. — крикнул сборщик податей и толкнул Тадыжекова к ногам князя, сидевшего на коврах. — На колени, подлый!..

— Отказываетя? — переспросил зайсан, выбивая о носок сапога пепел из трубки; заметил в руках Тадыжекова самоцельный топшур, поднял глаза и воскликнул с нескрываемым злорадством: — О-о, да это тот самый, который про богатых поет нехорошее!

— Он самый.

— Сколько за него?

— Три рубля.

— За каждый рубль — по десять плетей, — распорядился зайсан и зазвенел кистетом, украшенным золотыми подвесками. — За худые песни прибавите...

Тадыжеков оборвал свой рассказ и попросил табаку.

— Ну и как сейчас? Не поешь? — спросил отец Николая.

— Песню убить нельзя, — ответил кайчи. — Они все умрут, а песня останется. И я умру — песня будет жить.

Николай широко открытыми глазами смотрел на знаменитого кайчи. Отец не раз говорил:

Слово старика в мешок прячь,
Слово умного в карман клади,
Слово мудрого за пазуху заткни.

И Николай каждое слово кайчи клал себе на сердце, туда где, по словам стариков, у человека находится ум.

Выждав, когда все на минуту смохли, он попросил спеть чорчок¹ про кого-либо из сильнейших богатырей.

Сказитель согласился; настраивая топшур, сказал:

— Спою то, что слышал от твоего дедушки. Хороший был кайчи!

И Тадыжеков запел о богатыре Курман-Тойчи, освободившем народ, плененный Кунканом.

Струны топшура то нежно звенели, то рокотали, как буря над лесом. Густой, горланный голос сказителя напоминал изменчивое журчанье горной речки. Веселый речитатив вдруг уступал место протяжному пению, легкая ironия — острому сарказму или гневному вскрику.

¹ Чорчок — народная поэма, былина, сказка.

¹ Народные героические поэмы исполняют особым горланным пением, которое называется — кай. Петь — кайларить. Певец — кайчи.

Несколько раз добавляли дров в костер. Старались сделать это бесшумно, чтобы не помешать шевцу. Никто ни разу не взглянул на звездное небо.

Над лесом занялась оранжевая заря. Закричали кедровки на вершинах деревьев. Пора бы на промысел, но кайчи продолжал свою песню. И его слушали, забыв обо всем.

Знаменитый сказитель прожил на становье три дня и спел несколько увлекательных богатырских сказаний. На четвертый день он стал собираться в путь. Его долго уговаривали. Ведь он своими сказаниями услаждал слух горных духов, которые платили за это, сгоняя к охотникам зверей со всей округи. Но кайчи сказал:

— Пойду к другому огню. В тайге сейчас много людей ждут меня.

В его суму положили сыр и вяленое медвежье мясо.

— Приходи еще. Мы тебе добудем выдру: сошьешь себе шапку лучше, чем у богатыря.

— Пridу, — пообещал сказитель и попашал по старой козлиной тропе. — На синей горе вился дымок. Мой путь — к тому костру.

Николаю хотелось бросить все и вместе со сказителем отправиться в бесконечное путешествие по становьям инишкообеев и охотников.

В долине Сары-Кокши жил еще один знаменитый сказитель — Кыдыр Отлыков из сеока¹ юс. Людей этой кости не любили в долине Сары-Кокши. Особенно не любил их сеок кюзен, к которому принадлежал Николай. Временами между людьми этих сеоков вспыхивала вражда. Юстеров называли хулиганами и ворами. Улагаш говорил своему сыну:

— Где живут юстера, там всегда сороки и вороны клюют кровь.

И объяснял свои слова нелепой легендой, которую породила междуродовая неприязнь. По этой легенде, юстеров всегда должно быть сто человек. Так и сеок назывался — сотня (юс). Если родится сто первый, то сородичи его убивают, как лишнего человека.

В семье Улагаша не могли спокойно слышать имени кого-либо из юстеров. Но Николая очень интересовали героические сказки, которые пел юстер Кыдыр Отлыков, и однажды юноша тайком от родителей ушел в юрту талантливого кайчи. Сказитель долго отказывался петь человеку кости кюзен, но под конец согласился. Он спел ему про богатыря Кан-Сулутая, который в жестоком

единоборстве победил злого подземного бога Эрлика.

На следующий вечер Николай снова пришел в юрту сказителя, и Кыдыр спел ему поэмы «Бадай-Гора» и «Кан-Коглан и Кан-Юнчоты».

Узнав, куда ходит сын, Улагаш пришел в ярость.

— Ты знаешь, что он — юстер? — спросил отец сына.

— Но... он поет очень хорошие сказанья! За это зайдан драл его плетью... Кыдыр поет лучше всех людей нашей кости! — сказал сын и стал убеждать отца, что Кыдыр — лучший человек в долине, что все худые рассказы о юстерах — выдумка злых людей.

Так древние народные сказания подружили людей двух сеоков, враждовавших между собою.

В деревне Паспаул жил слепой сказитель, бобыль Сабак Боченов. Он кормился тем, что приносили ему люди, приходившие слушать богатырские сказания.

В свободные от работы вечера Николай приезжал в Паспаул и до утра оставался в избе слепого певца. Кайчи спел ему «Ак-бий», «Алтын-Билек», «Тарлан-Коо» и много других народных поэм.

Слушая его, Николай заучивал запевки, концовки, диалоги, «крылатые слова», которыми так богаты бирятские народные поэмы; заучивал все то, что А. Н. Афанасьев называл «сказочной обрядностью» и что позднее было названо «сказочным каноном».

Когда Николаю исполнилось пятнадцать лет, он взял топшур, чтобы впервые спеть былину в присутствии взрослых. Ребятам он уже пел в течение пяти лет. Молодой кайчи начал любимую народом поэму о богатыре Алтай-Буче. Он пел без отдыха несколько часов. Никто из гостей не кашлянул, никто не перебил его. Когда он запел о девушке Темене-Коо, которую конь примчал с неба, чтобы она ожила богатырского сына, разрезанного на куски, — на щеках женщин блеснули слезы.

После этой ночи Николай Улагашевич стал признанным кайчи в долине Сары-Кокши.

Летом Николай собирал на скалах сухие листья бадана. Теперь баданом дубят кожи, а раньше в русских деревнях Алтая его употребляли вместо чая. Зимой Улагашев повез продавать бадан в Старо-Бардинский район. В селе Елей остановился у одного знакомого из племени кумандинцев. Целый день ходил по селу. А вечером, вернувшись на квартиру, увидел там старика с топшуром.

¹ Сеок — род, кость.

— Приючевал к нам из-под города Кузнецка, — сказал хозяин. — Этого старика там все знают.

Это был бобыль Яемат, известный профессиональный кайчи. Он был не только исполнителем старых народных поэм и песен, но и слагал новые лирические песни.

Вечером изба, где остановился Яемат, наполнилась слушателями. Они пришли с подарками: один принес мясо, другой — сыр, третий — толкан, четвертый — лисьих лапок на шапку. Всю ночь слушали искусного кайчи и разошлись только на рассвете, когда надо было гнать скот на водопой.

Улагашев прожил в Елее трое суток. Три ночи он слушал старика, стараясь запомнить каждое слово. Особенно пленили Улагашева поэмы «Алыш-Манаш» и «Имей-Алтын и Шимей-Алтын» и сказка «Сын-Ару». Во всех трех произведениях было много лирических песен, столь глубоко западавших в душу, что их хотелось повторять и повторять бесконечно. Выехав за село, Улагашев запел так громко, как мог. Густой бас его долго звенел в морозной тишине. Охотник, возвращавшийся домой на лыжах, повернулся к дороге и, разглаживая усы кулаком, спросил:

— Много привезли кабак-араки?¹ Я успею захватить?

Николай пел всю дорогу. Это была проверка голоса и памяти.

Особенно ему нравился тот эпизод, где Алыш-Манаш пишет письмо на крыле гуся и поет ему песню. Хорошо бы все эти песни написать на крыльях птиц. Птицы разлетелись бы по всему Алтаю, и все охотники стали бы петь то, что поет сейчас он, Николай Улагашев. Но для этого надо быть грамотным. А в долине Сары-Жокши нет ни одного алтайца, который бы умел читать книгу и на бумаге оставлять след своей мысли, как горностай оставляет след на свежем снегу. Хорошо богатырям с их «книгами мудрости»!..

Дома отец спросил, много ли сын привез денег, а Николай ответил ему:

— Я вернулся богатым человеком! — И рассказал о песнях Яемата.

Отец покачал головой.

— Бай Барабаш не принимает песни в уплату долга. И зайсан в подать не зачитывает.

— Мы все еще не расплатились с ними? Я потерплю счастливый день прийти к нашему очагу.

— Счастье с бедняком не дружит.

— А богатыри его у себя в тороках во-

зят! У них, что в голове, то и в руке. Воевать поедет — назад не оглянется: ни же не, ни невесте не отговорить...

— Ты поменьше думай о них, — посоветовал отец. — Много сказок будешь знать — лентяйм станешь.

— Не-ет, — упрямко возразил сын. — Богатыри мне помогают работать! На охоту пойду — вспомню, как богатырь охотился — и силы прибавится, и глаз станет острее. Скот пасу — богатырь передо мной. Вот еще про такого бы узнать, который ячмень сеял!.. Есть такой богатырь?

— Не слышал.

— Я думаю — есть. Алтайцы ячмень ма-ленько сеют. А кто их научил? Богатырь! — Николай оторчено взмахнул трубкой. — Эх, Яемата не спросил, он, наверно, знает, как звать того богатыря...

По юртам сары-жокшинских кочевников ходила трахома. Шаманы не могли остановить ее. В юртах было грязно и дымно. Люди никогда не умывались, боясь навлечь на стойбище страшные беды. Мыла не знали. Слова «полотенце» не было в их лексиконе. Ничто не препятствовало распространению трахомы. Заболел и Николай Улагашев. Эта беда пришла, когда ему было шестнадцать лет. По утрам он с трудом открывал глаза. Боль была острой и казалось, что за веки ему насыпали золы. Горы, лес, небо — все закрыла густая пелена.

Николаю посоветовали съездить на «глазной ключ». Он поехал с твердым решением жить там до полного выздоровления. Но прожил только один день. Когда он склонился над ключом, чтобы промыть глаза, ему показалось, что на дне сидит огромная лягушка, и он сердито спросил:

— Почему лягушку не выбросите?

— Какую лягушку?! — вскрикнул хозяин ключа и взял Николая за рукав. — Уезжай сейчас же. Раз тебе померещилась лягушка — вода тебе пользы не окажет.

Николай набрал воды в бочонок и уехал. Дома он по несколько раз в день промывал глаза этой водой, а когда опорожнил бочонок, ему посоветовали съездить в Улалу, к русскому попу.

Поп указал ему на икону Пантелеимона-целителя и заверил:

— Сей святой от всех недугов избавляет!..

Он обмакнул гусиное перо в лампадку, горевшую перед иконой, и помазал глаза «деревянным маслом».

Домой Улагашев вернулся со страшной болью. Всю ночь не мог заснуть. Утром он

¹ Кабак-арака — водка.

обнаружил, что туман в его глазах сгустился; сказал жене:

— Слово шопа такое же ненадежное, как слово шамана. Вот если бы найти мне «живую траву»!.. Но где ее взять? Где она растет? Кони богатырей знают ее. Но я не богатырь и у меня нет такого коня...

Тяжелая болезнь свалила в постель одного из сыновей Николая Улагашевича. Жена настаивала на приглашении шамана, но Улагашев долго не сдавался.

— Разве ты не знаешь, что слова шаманов, как дым? — спросил он жену. — Ветер дунет — от дыма следа не останется. Шаман скажет родным больного: через три дня выздоровеет. А больной через два дня умирает.

— Позовем Тайинчи, — он самый сильный шаман, — продолжала настаивать жена.

Сын метался в бреду. Тело его было горячо, как головешка, только-что вынутая из костра, и Николай Улагашевич сдался.

Тайинчи приехал, вышил чашку араки, поклонился в бубен, спел несколько шутаных песен и сказал, что Эрлик просит жертву. Привели коня, переломили ему хребет, разодрали его, и шаман, подняв шкуру на березовую жердь, сказал:

— Эрлик стал добрым: огонь из тела парня возьмет обратно.

Через несколько дней сына похоронили. Николай Улагашевич послал жену за Тайинчи и просил ее не говорить о смерти мальчика. Шаман явился с бубном. Услышав звон бубенчиков и железных подвесок, которыми была богата шуба Тайинчи, Николай Улагашевич закричал:

— Обманул твой Эрлик. Обманул.

— Надо было принести в жертву еще одного коня: добрые люди так делают, — сказал шаман без тени смущения.

— Еще коня захотел?! — взревел Улагашев. — Правду люди говорят: скот болеет — собака жиреет, человек болеет — шаман жиреет.

— За такие слова Эрлик тебе голову свернет.

Улагашев схватил головешку и бросил ее в шамана, но тот успел увернуться, хотел выбежать из юрты, да хозяйская собака, встав на порог, преградила ему путь. Улагашев вскочил, смял Тайинчи и начал наносить ему один удар за другим.

— Эрлик, говоришь, меня возьмет? Пусть попробует. Я его вот так, да вот так. За бороду и головой о камень... Самый маленький богатырь побивает твоего Эрлика!..

Когда избитый шаман вышел из юрты,

Улагашев опустился к костру, молча выкурив две трубки, потом сказал жене:

— Богатырь Козын-Эркеш был на части разрублен. Жена, простая женщина, оживила его. А твой сильный шаман с его Эрликом не могли вылечить ребенка.

Жена махала на мужа рукой и шепотом повторяла заклинания.

Николай Улагашевич сказал ей сурово:

— Больше ни один шаман не опоганит моего очага!

С того дня, как еще крепче полюбил те народные поэмы, в которых богатыри вступают в единоборство с богами и ниспровергают их. Строки, посвященные этой борьбе, он стал петь с особой силой и гневом.

Недалеко от своей юрты Улагашев нашел гладкоствольный молодой кедр, срубил его, высушил на солнце и сделал топшур; натянул две струны из конского волоса. Спел песню, прославляющую новый музыкальный инструмент.

Улагашев становился профессиональным сказителем. Люди часто приезжали на его стойбище послушать героические сказания, и ему не приходилось скучать. Но, когда упал первый иней и горы стали золотистыми и багряными, Николая потянуло в лес. Он попросил жену заседлать коней и поехал с нею на кедровый промысел. Жена подводила его к дереву с богатым урожаем, он быстро взбирался к его вершине и начинал сбивать шишки, полные ореха. Однажды, оборвавшись с высокого кедра, он упал на землю и заколол глаз. А через год совершенно лишился и второго глаза. Случилось это в сенокос. Один из богатых соседей, выкосив свою траву, начал косить участок Улагашева. В это время Николай приехал на луг и потребовал покинуть его участок. Но сосед не хотел и слышать об этом. Схватив плеть, он напал на Николая и выхлестнул ему глаз.

Чтобы вернуть свой участок и наказать захватчика, Улагашев обратился в суд, но судья сказал ему:

— Твой сосед — крещеный человек, некрещеному нельзя с ним судиться...

У Николая оставалось единственное средство борьбы — меткое, острое и разящее слово, строки из народных поэм, и он назвал соседа одним из Семи Обжор, о которых поется в нескольких сказаниях, и стал сравнивать его со злобным баев Айбычи из поэмы «Малчи-Мерген». Тот баев набросился с плетью на пастуха, избил его и приказал переломить ему ноги. Но пастух нашел «живую траву», которая

Умершим жизнь возвращает,

Погасший огонь зажигает,

Потерявшим зрение глаза возвращают,
Безногим ноги дают.

С той травы кости пастуха срослись. Стал он

В шесть раз сильнее прежнего,
В десять раз статнее прежнего.

Пастух Малчи-Мерген расправился с баев, истиравшим его.

Народная поэма о пастухе поддерживала у Николая мечты о «живой траве». Был бы хоть один глаз целым, может когда-нибудь и нашел бы эту чудодейственную траву.

Голубые хребты, серебристые снежные вершины, зеленые леса с россыпями цветов — все залила вечная тьма. Даже о той туманной пелене, которая два года назад была перед глазами, теперь вспоминал Николай, как о большой утрате. Жизнь его была тяжела и горька. Пригорки ячменя и кусок сыра ему стоили большого напряженного труда. Он работал с поводырем. Когда выходил косить траву, то давал сыну колокольчик. Мальчик шел по соседнему прокосу, а Николай Улагашевич, прислушиваясь к звону, рядом вел новый.

Осенью он попрежнему отправлялся на кедровый промысел. Сбивать шишки ему теперь приходилось ощупью.

Но тяжелая жизнь не заронила уныния в сердце кайчи. Он попрежнему пел добрые, жизнерадостные поэмы о богатырях, утверждающих на земле счастливую жизнь без баев и князьяков.

Баи и зайсаны всячески старались унизить кайчи, слава о котором прошла по всей тайге. Однажды в долину Сары-Кокши приехал зайсан Сапрок со своей свитой, состоящей из самых богатых баев. Все они были пьяны. Зайсан потребовал к себе Улагашева.

— Пусть поет самое хорошее. Скворцы своим пением славят тайгу, слепые старики — славят старших.

Но Улагашев ответил зайсану:

— Мои песни горьки.

— Пой и такие. Посмотрим, что за яд в них.

— Не могу петь, — у меня грыжа.

Зайсан рассвирепел.

— Не будешь петь — в проводники возьмем. Заставим дорогу показывать.

Николай Улагашевич молча сел на коня. Конь вышел на тропу впереди всех всадников. Кайчи повернул голову и крикнул во весь голос:

— Слепые не могут обходиться без поводырей. Но если слепого берут в поводыри, значит, есть люди слепее слепых.

Зайсан зарычал медведем. Приближенные

его поскакали к Улагашеву. Удары плетей по шубе были гулки, как удары по бубну.

Дома Николай Улагашевич вспомнил Кобака и усмехнулся.

— Теперь я стал настоящим кайчи!..

Жена не поняла его, и он добавил:

— Того кайчи, который поет, как скворец, зайсан драть не будет.

Улагашев верил в могущество человека, в силу слова. С особым волнением и приподнятостью он пел те эпизоды, где — с присущим эпосу смелым гиперболизмом — изображалось воздействие песни на все окружающее. От песни Малчи-Мергена

На сухих деревьях листья выростали,
На твердой земле цветы распускались.

Когда Алып-Манаш, связанный цепями, лежал в яме, запел песню, — дикие звери,

Детенышей своих побросав,
К яме обежкались,
Чтобы песню послушать.
Быстро крылья птицы,
Гнезда свои позабыв,
К яме прилетели —
Песню слушают.

Вот так же слетались к Н. У. Улагашеву кочевники всех окрестных долин.

— Скучно стало, на сердце тяжело, — приехали про богатырей послушать, — говорили они.

Если муж уезжал в сторону долины Сары-Кокши и не возвращался домой в течение четырех — пяти дней, жена не беспокоилась о нем, говорила:

— К Улагашеву заехал: сказки слушает.

Баи, зайсаны и чиновники всячески старались задавить свободолюбивую песню, сзывающую народ на борьбу с угнетателями. Но им не удалось заставить песню замолчать. Грозный призыв ее несся от одного пастушего стойбища к другому, от костра зверолова к костру шишкобоя, от становья лесорубов к ночлегу плотовщиков. В этой песне голос Н. У. Улагашева был одним из самых громких.

Ни болезни, ни крайняя бедность, ни издевательство баев и зайсанов не сломили талантливого сказителя. Его поддерживала та любовь, которой народ окружал его.

Вешними водами отгремела гражданская война.

Народ запел полным голосом; приступил к осуществлению того, о чем предки мечтали многие века.

Сыновья рассказывали Н. У. Улагашеву о том новом, что они видели вокруг себя и что помогали строить, и старик отвечал им эпизодами из народных поэм.

Услышав о Чуйском тракте, проложенном

через хребты, леса и скалы, он говорил с мягкой улыбкой на крупном мужественном лице:

— Наверно, дорога лучше, чем та, которую проложил богатырь Кёзюйкэ? Богатырь пустил стрелу из лука, и стрела развалила тайгу надвое, — дорога готова! Тракт построили, как стрелу пустили! Быстро!

Рассказали ему о мостах через горные реки Бию и Катунь, и он вспомнил Сартакпая:

— Богатырь Сартакпай строил мост через Катунь, но не мог справиться с рекой. А теперь победили ее!

Услышал старик гул самолета, расспросил о нем, и опять припомнил богатыря:

— Ескюзек летал на крыльях живой птицы. Железная птица, наверно, сильнее и выносливее?

Орошение полей напоминало ему богатыря Сартакпая, который пальцем чертил по земле, чтобы проложить каналы и вывести воду в сухие степи.

Древние народные поэмы еще глубже раскрылись для Н. У. Улагашева. Через них он увидел осуществление вековой мечты трудящихся. По-иному зазвучали слова о вечном лете, о богатыре, которому неизвестна старость. Имя этого богатыря — народ.

Внучата сказителя принесли в дом «книги мудрости», по вечерам читали старику. Из этих книг он узнал о жизни Ленина, о жизни Сталина. Слово этих богатырей было самым могущественным на земле. Его хотелось вложить в песню, а красок нехватало, нехватало голоса. Но новые песни зрели в душе старого кайчи. Был канун Октябрьской годовщины. Старик сидел на своей кровати и беззвучно, долго шевелил губами. Потом он взял топшур и, обращаясь к нему, запел:

Из корня могучего кедра не зря
Тебя сделали, звонкий топшур!
В день радости, в день Октября
Заиграй, мой певучий топшур!
Из крепкого дерева, что на скалах
растет,
Тебя сделали, звучный топшур!
Народ мой ликует, народ мой щеет,
Так весело пой же и ты, мой топшур!¹

С тех пор Н. У. Улагашев сложил несколько новых песен.

В 1934 г. Н. У. Улагашев со всей семьей вступил в колхоз «Чолмон Алтая».² В колхозе нашлась для него хорошая работа: он плел шлеи и узды. За этой работой он мог с утра до вечера петь свои любимые песни, рассказывать былины и сказки. Он слагал песни о новой жизни:

Дружный труд нам богатство принес
В колхозном своем единеньи.
Вырос наш малочисленный скот.
Табуны — точно реки в разливе.
И страдавший когда-то народ
Зажил жизнью богатой, счастливой.

В слушателях у кайчи никогда не было недостатка. Если взрослые были заняты на работе в колхозе, старика окружали дети. Прослушав две — три сказки, ребята бежали в лес и возвращались оттуда то с корнями кандаха, то с луковицами саранки, то с сочными стеблями борщевника. Они уговаривали старого кайчи и просили рассказать им отчего у коровы копыта раздвоенные, почему у кабарги на боках белые пятна, а у барсука на лбу лысина. И старик на все их вопросы отвечал народными сказками.

Древние народные поэмы в устах советских сказителей зазвучали по-новому. Они вступили во вторую молодость. На месте мечты и призыва народ увидел торжество победы. И любовь народа к своим поэтическим произведениям стала еще пламеннее.

Это не могло не привести в бешенство врагов народа, буржуазных националистов. Пробравшись на некоторые руководящие посты в Оиротии, они, наряду с другими своими подлыми делами, пытались сдавить горло народной песне.

Один из врагов народа имел наглость в печати заявить, что древние народные поэмы «потеряли всякий интерес и значение для современной Оиротии» и что публикация этих произведений «ведет только к бесполезной трата бумаги, к ненужному засорению мозгов этим «утильсырем».

Замаскировавшиеся враги говорили старикам:

— Нельзя петь сказки про богатырей: советская власть запрещает.

Когда об этом сказали Н. У. Улагашеву, он ответил:

— Не поверю. Мы поем на пользу народа. И он продолжал петь сам и учить исполнению эпоса своих внучат.

Летом 1936 года в долину Сары-Боянши приехал оиротский писатель П. В. Кучияк с московской фольклористкой Анной Гарф. Они нашли Н. У. Улагашева на молочной ферме. Старик сидел под старой лиственницей и плел узды из сырой матней кожи.

— Колхоз дал хорошую работу для моих рук! — сказал он. — На всех лошадях — узды моей работы!

Узнав, что гости приехали записывать сказки, старик ожиживился:

— А у нас тут болтали: нельзя петь про

¹ Перевод Б. Каирского.

² «Звезда Алтая».

богатырей. Я говорил: не правда это. Так и вышло. Москва понимает, что надо народу.

Для начала он рассказал гостям несколько маленьких сказок — про воробья, про мальчика Ырасту, который победил самого знаменитого шамана и заставил дрожать хана с ханшей. Потом кайчи запел любимую героическую поэму о богатыре Алып-Манаше.

Об Н. У. Улагашеве узнали в Москве. В списках членов Союза советских писателей появилось новое имя. Оно стояло рядом с именами талантливых сказочников, сказителей и народных певцов нашей страны: М. С. Крюковой, Цуга Тучежа, М. М. Коргуева, Ф. И. Беззубовой и многих других.

В январе 1939 г. лучшие писатели и поэты, сказители и сказочники нашей родины были награждены орденами.

В колхоз «Чолмон Алтая» пришла телеграмма. Ее привез сын Н. У. Улагашева, работавший кольцевиком. Он подал ее отцу и сказал, что правительство наградило кайчи орденом «Знак почета». Старик ощупал булавку и попросил прочесть текст телеграммы. Потом еще и еще раз. Он вслушивался в каждое слово. Лицо его посветлело и седые усы не могли скрыть радостной улыбки.

— Я всегда говорил: народ любит богатырей. А власть ценит то, что любит народ, — сказал кайчи взволнованным голосом.

Один за другим входили соседи-колхозники в избу кайчи. Придерживаясь обычая, начинали разговор с традиционного вопроса:

— Какие новости у вас?

— Нет новостей, — по привычке отвечал старик и, в свою очередь, спрашивался о новостях. Но вскоре ему надоел этот пустой обмен застывшими фразами и даже показался обидным, и он стал отвечать:

— Есть новости! Сын прочтет вам.

К вечеру изба была полна гостей. Старика попросили спеть что-нибудь, но он покрутил головой.

— Сегодня я устал. Пусть вам внучата прочитают сказку. У них в книжках есть очень интересные. Русские сказки, а напечатаны по-алтайски.

Внучата читали долго, сменяя друг друга. Кайчи сказал:

— Я раньше в Улале слышал русские сказки. Но не такие интересные. Наверно, сказитель — большой мастер.

Это были сказки А. С. Пушкина.

Весной 1939 года Николай Улагашевич приехал в Москву. В Кремль он входил, когда часы на Спасской башне играли «Интернационал». Под их аккомпанемент хотелось петь,

петь так громко, как еще никогда не пел. Старик шел получать орден.

О том радостном часе он рассказывает с глубоким волнением:

— Прошли мы с провожатым четыре двери. В каждой комнате меня спрашивали: «товарищ Улагашев?» Я отвечал: «Да». Наконец, мой провожатый сказал:

— Товарищ Калинин идет.

Я, по привычке, сложившейся в старое время, снял шапку и сунул ее себе подмышку. Товарищ Калинин подошел ко мне, пожал руку. У него рука твердая, сильная, пожимает крепко. Я тоже крепко пожал его руку. Он взял мою шапку и надел мне на голову. Вручил мне орден; спросил, как я ехал в Москву, не устал ли в дороге. Потом он спросил — сколько я знаю сказок. Я ответил:

— Все пять — года на два хватит. Не меньше.

Нашу беседу переводил московский переводчик. Языки он знал очень хорошо, и нам разговаривать было легко. Я рассказал, что в некоторых ойротских сказках говорится про злого бога Эрлика и доброго бога Ульгения, про ханов и зайсанов. После этого я спросил, можно ли рассказывать такие сказки. И товарищ Калинин ответил мне:

— Все надо рассказать и все записать. Из сказок мы многое узнаем о той прежней жизни, когда народ, живя под властью ханов, верил в богов. Теперь все, что в прошлом сложил народ о своей жизни, надо записать, напечатать и вернуть народу, молодому поколению.

Я сказал:

— Мне нужен мастер, который бы записал все, что я знаю.

На это товарищ Калинин ответил:

— Мастера тебе дадим. Пропой и расскажи ему все.

Вернувшись из Москвы, Николай Улагашевич поселился в городе Ойрот-Тура, в большом деревянном доме. В комнате его одна за другой появлялись вещи, незнакомые ему ранее, — стол, стулья, диван. Когда ему принесли настольную электрическую лампу, он долго ощупывал ее, потом спросил:

— А куда керосин наливать?

Комсомолец, принесший лампу, заговорил об электричестве. Старик улыбнулся и перевил его:

— Это тот свет, который поймал Сартакпай в грозовой туче.

И он рассказал о богатыре, победителе молнии, ойротском Промете.

Радио приносило Н. У. Улагашеву вести со всех концов земли. Однажды он, указывая

трубкой на репродуктор, сказал своим родным:

— Богатырский голос! В Москве говорят — на Алтае слышно. По ночам играют московские часы. Я проходил под ними...

Он приподнял голову и спросил промким голосом, полным радости и торжества:

— Помните я вам пел про богатырей? Голос их на годовом пути слышен! Вот теперь богатыри со всем народом разговаривают! Как все это появилось?

Он умолк на минуту, а потом густой бас его всколыхнул почтительную тишину:

По голубой дороге бежит
Машинка на золотых ногах.
Мудрый, великий Ленин
Послал ее к нам на Алтай.

Кайчи качнул большой седой головой, как бы подтверждая последние два стиха своей песни, и, вобрав воздух в легкие, продолжал еще громче и радостней:

В небе птица летит
С блестящими стальными крыльями.
Мудрый, великий Сталин
Послал ее к нам на Алтай.

Старик слагал стих за стихом и пел до тех пор, пока не услышал, что в комнату ворвалась вторая песня. Он смолк на полуслове и прислушался. Кто-то густым и мощным басом пел одну из его самых любимых былин. Ни шума, ни треска не было слышно, и в первую минуту Николай Улагашевич подумал, что какой-то незнакомый певец неслышно вошел в его квартиру. «Откуда такой, не знающий ни обычаев, ни приличия? Даже не поздоровался, ничего не сказал о себе... Закончил былну, надо будет сказать, что не хорошо перебивать старших...»

Но в былине все было так знакомо, что старик насторожился, вслушиваясь в каждое слово. А внучка Уренчи подвинула к нему репродуктор и сказала:

— Когда ты пел по радио — все выходило вот так же! Это, наверно, пришло эхо твоего голоса.

Николай Улагашевич взмахнул руками и хлопнул по коленкам; громко воскликнул и, улыбаясь, сообщил родным:

— В радио мне говорили, что машинка запишет мое пение! Я думал шутят: машинка не человек...

— Твой голос тоже слышишь на расстояние годового пути богатырского коня! — сказала сноха, возвращаясь к началу разговора.

— Оттого это, что богатыри ожили. Помните я пел вам про Кёзюйке и Баян? Давно-давно они камнями стали. Ак-Кобек тоже камнем стал. Козын-Эркеш и Байым-Сур в

скалы превратились. Богатырям ханы мешали, байи мешали. Силы у богатырей нехватало, вот они и ушли в камень. — Старик набил трубку табаком, запальцю ее и, сделав две затяжки, продолжал: — Народ стал помогать богатырям и богатыри ожили, сделали все, о чем в песнях пелось, в сказках рассказывалось...

Жизнь старого кайчи пошла по-иному. К нему стали приходить языковеды, составители словарей, писатели, переводчики из национального издательства. Разговаривая с ним, они уточняли значение отдельных слов, подбирали синонимы, запоминали яркие народные речения. Он явился для них профессором ойротского языка.

Приходили к нему и актеры молодого национального театра. Они исполняли в его комнате сцены из пьес о жизни ойротов и, прислушиваясь к его замечаниям, проверяли свои интонации, вносили коррективы в произношение отдельных слов. Николай Улагашевич не оставался перед ними в долгу. Он пел им песни, сказывал былины и сказки. Это обогащало молодых актеров, помогало им найти все необходимое для яркого и правдивого воплощения героев пьесы и способствовало творческим поискам и развитию молодого искусства.

Н. У. Улагашев почувствовал себя необходимым и высоко полезным человеком нового общества. Перед слепым кайчи открылась большая, радостная жизнь. И для него всплыло новое солнце — искусство социализма.

Каждый день к Николаю Улагашевичу приходил ойротский писатель и поэт Павел Кучияк, знаток и исполнитель народного эпоса. Разговор их затягивался до позднего вечера. Они рассказывали друг другу народные сказки, пели былины, вспоминали родственные сюжеты и близкие варианты.

Однажды, прослушав в исполнении П. В. Кучияка народную поэму «Алтын-Тууди», в которой девушка-богатырша ведет борьбу с силачами ханов и даже с самим злым богом Эрликом и всех побеждает, Николай Улагашевич спросил:

— А почему девушка не вышла замуж? Так нельзя. Так не должна заканчиваться поэма. Без свадьбы дело нигде не обходится.

И он пообещал поэту:

— Я найду жениха для твоей Алтын-Тууди. Хорошего богатыря найду! Мы ее выдадим замуж.

Этим Николай Улагашевич сказал о себе, что он не только простой исполнитель и интерпретатор эпоса, но и творческий работник. В исполняемых им былинах нередко

встречаются эпизоды, неизвестные другим сказителям Ойротии.

П. В. Кучияк всегда приходил к Н. У. Улагашеву с бумагой и карандашами. Всякий раз он уносил от него десятки листов, покрытых строками народных поэм.

В лице П. В. Кучияка Николай Улагашевич нашел того «мастера», о котором он разговаривал с М. И. Калинным.

Вскоре к сказителю пришел второй «мастер». Это был Н. Г. Щуранаков, переводчик, редактор художественной литературы ойротского национального издательства.

«Мастера» составили и выпустили в свет первую книгу сказителя — «Алым-Манап». Теперь эту книгу можно встретить у пастухов Усть-Канского аймака, и у охотников

Улаганской тайги, у шипкобоев в лесах Чойского аймака и у плотовщиков на верхнем плесе Бии. На книжных полках и в перегородках сумах она нашла место рядом с теми «книгами мудрости», которые дали народу богатыри советской земли.

Сменяя друг друга, несколько месяцев работали «мастера», но не записали и четвертой доли того, что знает, поет и рассказывает Николай Улагашевич. Репертуар его так велик, что одни народные поэмы (былины) составят не менее трех больших томов. К этому нужно добавить несколько десятков сказок, песен и сказов. Николай Улагашевич был близок к истине, когда говорил, что для исполнения всего его репертуара потребуется два года. Это — сказитель, равного которому давно не знал Алтай.